

Под самое утро Лиде приснился непонятный сон. С одной стороны, вроде хороший: ясно видела обоих родителей. После смерти мамы иногда одолевало беспокойство: как они там, встретились ли? Вместе ли? Хотя, само собой, воспитывали они ее в духе материализма и, может, такие мысли не одобрили бы.

Но все-таки, значит, вместе.

С другой стороны, вели они себя как-то несогласованно. Папа вышел из дома в парадном пиджаке, с медалями и орденом за взятие Кенигсберга, чисто выбритый, волосы красивой волной, и уверенным шагом направился куда-то. Наверное, на демонстрацию, догадалась Лида. Скорей всего, на ноябрьскую: вон и деревья стоят почти облетевшие, и у папы под пиджаком виднеется полосатый, ею вязанный жилет.

Но вот мама, хотя тоже с праздничной прической и в черном шелковом жакете, не спешила присоединиться к нему. Она протирала большой деревянный стол во дворе, как будто к приходу гостей. И что-то очень долго она его протирала, не поднимая глаз – верный признак, что была недовольна. Потому что когда мама радовалась, она смотрела прямо в лицо сияющими глазами, и все вокруг оживало и светлело. А тут – сумрачное небо и скупые осенние краски. Только папа при полном параде решительно шагает к месту сбора. Лида немного встревожилась: он что же, так и пойдет один? С его-то зрением?

Вообще родители и раньше, бывало, проявляли легкомыслие. Однажды, например, уехали в санаторий и не сообщили, как добрались. Пришлось дозваниваться по межгороду, узнавать телефон главврача. Доктор уточнил: «Разыскиваете сбежавших родителей? А лет вам сколько, девушка? Семнадцать?» – и расхохотался.

И вот теперь, полжизни спустя, вернулся давний страх: что там с ними? И главное, позвонить некуда...

Но мама как будто угадала Лидины мысли. Подняла голову и распорядилась:

– Пусть идет!

И Лида догадалась, что зрение у папы улучшилось. Однако некоторая тревога все же оставалась: как-то слишком сухо звучал мамин голос, и она продолжала упорно хлопотать над своим столом.

Уж не поссорились ли? Вот еще не хватало! Помирить их и раньше-то было затеей не из легких. Отношения родителей располагались в области недосягаемой, заповедной, и голубь мира летал в ней по сильно замысловатому маршруту.

А может, недовольна мама вовсе не отцом, а ею, Лидой?!

Ужасную мысль перебило новое явление: деловитая девушка в брючках. Она была, похоже, из тех волонтерок, которые нынче пришли на смену пионерам, комсомольцам и прочим тимуровцам. Или это студентка института, где он работал, и прислана для сопровождения? Девушка кивнула, здороваясь, и направилась было вслед за папой. Но мама повторила еще тверже:

– Пусть идет один!

А когда она говорила таким тоном, послушаться было невозможно. И даже расспрашивать казалось как-то неуместно. Девушка стушевалась и исчезла. И папа скрылся, не обернувшись, оставив Лиду в тягостных раздумьях...

И тут-то сон возьми да и кончись!

По счастью, в этот раз она сразу сообразила: надо записать его, пока не забылся. И, нашарив на тумбочке что было – справочник садовода-любителя, – поместила запись в промежутке между «Особенностями обрезки косточковых пород» и «Искусственными формами крон плодовых деревьев», в конце немного зайдя на поля. И только закончив, позволила себе всхлипнуть.

Сразу вспомнились, конечно, те мамины дни, про которые она не хотела думать, что они – последние, все отвлекала себя какими-то мелочами: то купить маме новый халат, то найти самый свежий «детский» творожок; не хотела замечать, какая стала мамочка – маленькая, ссутулившаяся, с тусклым взглядом перед собой... И этот халат из чистого хлопка, нежного

персикового оттенка она надела всего два раза. И не хотелось ей уже творожка, и новый журнал по вязанию едва пролистала... А если бы вместо всей этой суеты просто взять исхудалую руку в свою, и обнять мамочку, и оставаться так долго-долго, пока не перетекло бы в нее столько любви, чтобы она ожила и улыбнулась как раньше?

— Ну завела, — расслышал муж и заглянул в комнату. Он собирался на работу и держал в руках синий китайский термос с чаем. — Тебе на пенсии сидеть вредно. Киснешь только.

— Ничего не сию! — привычно откликнулась она, вытирая глаза. — В магазине подрабатываю.

Муж фыркнул. Он был старше ее на пять лет и гордился, что начальник цеха пригрозил: «Пока я работаю, чтобы о пенсии и речи не заводил!»

— Опять видение записывала? — заметил он. — А еще бывшая комсомолка! Взносы меня заставляла платить! И книгу вон испортила. Я тебе для чего блокнот купил?

— Наверно, сдачи с сигарет не было, — рассудила она. — Ты таблетки взял? А кашу?

— Поел, — отозвался он уже от двери. И буркнул потише: — В могилу свести хочет своими таблетками...

— Сам хочешь! Куревом своим! — сердито крикнула она вслед. — Звони давай... супермен!

И посмотрела в окно, как он пересекает двор. Походка подпрыгивающая, как у подростка. Только у подростка впереди вся жизнь, а у седого, да еще вечно дымящего... лучше не думать.

Весело затрещал телефон. Дочка! На душе сразу просветлело.

— Мам, привет. Можешь Маньку из садика забрать? А то вчера отпрашиваться пришлось, у нее ухо заболело, полдня в очереди торчали. Теперь отрабатывать придется.

— Заберу, заберу... А врач что сказал?

— Да ничего страшного, не волнуйся! Обычный отит. Да, да, купила уже все: и капли, и таблетки. Ты, главное, не паникуй! И к себе ее не забирай, в срочку домой. У них завтра праздник осени, она березка. Кстати, поможешь листья на платьешивать.

— Ну ладно, тогда на работе договорюсь... Я что рассказать хотела: такой сон видела...

— Мама, умоляю! Вот эти твои сны! Сто раз тебе

говорила — не наедайся на ночь! Ну все. Я на работе, некогда! Пока!

Поговорили называется.

Вот и толку от этих хваленых сотовых!

И кто, спрашивается, виноват, что у Манюни отит? Кто летом ребенка в море пускал безо всякого контроля — и барахтаться, и нырять с головой, пока губы не посинеют? Сам же ребенок и рассказал. Врать еще не научился.

А уж как мамочка Лиду в детстве берегла! Два дня по приезде в воду ни-ни: акклиматизация! На пляж после завтрака строго до одиннадцати, панамку не снимать. И только на третий — войти в воду, окунуться и выйти. Дальше добавлять по две минуты — если море теплое, конечно. Ну и возможность у родителей, естественно, была: путевки на двадцать четыре дня! Целая жизнь у моря!

Правда, самой Лиде, пока дочка росла, как-то не до моря было: то зарплату задерживают, то мужу отпуск не дают, то предприятие закрывают. И многого еще, похоже, не смогла Лида ей передать: просто не досталось ни маминой смекалки, ни способностей. Ну не умела она ничего эдакого: взять, например, да и связать из дырявых шерстяных носков детскую кофточку в полоску. Или, выбравшись в выходной на речку, вдруг явиться из-за кустов в эластичном купальнике и трижды прокрутить на песке «колесо». Или учиться играть на пианино — по нарисованным клавишам! Это же, если вдуматься, из области сказок. Из жизни какой-нибудь Василисы Премудрой.

Но хотя бы одно унаследовать очень хотелось: разум и здоровье до преклонных лет. Чтоб не быть обузой. Надо по утрам, как мама, пить стакан воды натощак. И зарядку делать, как папа.

Тут опять припомнился сон.

Поразмыслив, Лида набрала номер подруги Корнелии. Вообще-то звалась она Антониной, но, пройдя курсы астрологии, сменила имя. «Корнелия» ей больше подходило по каким-то вибрациям.

— Внимательно, — отозвалась Корнелия.

Голос хриплый — значит, еще спала.

— Корни, ты извини, что рано... Мне посоветоваться надо. Очень!

— Ну, — промолвила подруга.

— Поговорить бы... не по телефону, а так, нормально. Может, подскочу к тебе, а? Или ты?

– Не-а, сейчас никак, – отвергла Корнелия и зевнула. – Мне в банк надо ехать, Семке деньги переводить. Он же бампер снес и крыло погнул.

– Ужас! – ахнула Лида. – А сам... не пострадал?

– Целый... За рулем аудиокнигу слушал, интеллигент! – сообщила Корнелия не без гордости. Помолчала и добавила: – А все потому, что в детстве ему ничего не запрещала, легче было разрешить. Вот теперь и расхлебываю. То штраф, то кредит...

– Воспитание – это как повезет, – поддержала тему Лида. – Я вот свою все по науке старалась, а толку? Ребенку ухо опять простудили. И ничего не расскажут толком, не выслушают, вечно некогда...

– Так ты чего хотела вообще? – вспомнила Корнелия.

– Да я во сне маму с папой видела, но как-то непонятно, вроде в ссоре... и так мне печально стало... в общем, обсудить с тобой хотела.

– Ну, печали наши – это чистый эгоизм, – отрезала Корни. – Жалеем мы себя, оставленных. А насчет сна я тебе так скажу, – она зевнула и закончила: – По ходу, проблемы у вас в роду!

– Как это? Прямо во всем роду, думаешь? – даже отшатнулась от трубки Лида.

– А что тут думать? Сама ж говоришь: родители снятся, дочка не слушает, внучка болеет. Получается, несколько поколений страдает!

– И... чего теперь делать?

Корнелия помолчала. Лида испуганно притаилась.

– Чего-чего... Помогать своему роду надо! – наконец объявила подруга.

– А-а... а ты умеешь?

– Да не я! – с досадой прикрикнула Корнелия. – А ты сама. Я только подсказать могу... Во-первых, почтить память предков.

Лида с облегчением выдохнула.

– В смысле – на кладбище сходить?

– Не обязательно. Главное – вспоминать о родителях хорошее. Самой стараться так же поступать. Брать пример. Показать, что они не зря именно тебя растили, понимаешь? И над собой, кстати, поработать полезно. Посмотреть как бы со стороны: к чему ты пришла в свои пятьдесят семь?

– Пятьдесят пять.

– Да неважно.

– А к чему я пришла?

– Ну ты как маленькая, Лидка! – рассердилась Корни. – Это ж тебе виднее! Все, короче, мне собираться пора. Да, еще имей в виду: отношения с супругом могут влиять! Надо, чтоб гармония была. Это хоть понятно? – и, не дождавшись ответа, закончила скороговоркой: – Короче, если что, я после пяти возле «Титаника». Приходи тоже!

– Ну ладно... Подожди! – спохватилась Лида.

– Мне ж сегодня еще Манюню забирать, платье на утренник украшать! Это если только после восьми...

– А я допоздна! Говорю же: Семке помочь надо. Ну все, ариведерчи!

И нажала отбой. У Лиды даже руки опустились. Вот вечно Корнелия так: напустит туману – и в кусты! Подруга детства, называется!

Вяло принялась за остатки каши. В одиночестве у нее всегда портился аппетит. Но зато пока ела, пока мыла посуду, досада незаметно прошла, а мысли прояснились.

Легко сказать – перенимать хорошее! Вопрос – как?

Лида шагнула к зеркалу, встретила взглядом с мрачной сутулой теткой. Ну никогда же за мамой такого взгляда не водилось! И осанка у нее всю жизнь была прямая, и шаг энергичный, упругий: идет по улице – словно саму жизнь подталкивает перед собой, придавая ей нужную скорость и направление. А папа шагал чуть медленнее, слегка откинув голову, смотрел с прищуром и затаенной улыбкой, будто говоря: не все так просто в этом мире!

Приоткрыла гардероб. Мамины вещи, которые рука не поднималась раздать, висели на плечиках как при жизни – аккуратные, ухоженные. Вот любимая блузка цвета морской волны. Таковую не то что сшить – носить надо уметь. Лида осторожно вынула ее вместе с вешалкой, приложила к себе, посмотрелась – нет, не то! Лицо на ярком фоне сразу пропадает. Может, если подвести глаза, губы накрашивать, да еще волосы уложить... Ну уж нет: накручивать на ночь бигуди – на такие подвиги только мама была способна.

Вздохнула, повесила кофточку обратно. Постояла без дела посреди комнаты, припоминая: вроде бы куда-то сегодня надо было бежать? И даже вздрогнула: в жилконтору! Соседка сказала, что-то с тарифом

на воду, ходили по квартирам контролеры, фотографировали счетчики. А кого не застали, тем надо самим идти в жэк, по-новому в рэп, и разбираться.

Официальные учреждения вызывали у Лиды тайную панику. Особенно когда какая-нибудь чиновная дама с недовольным лицом брала в руки ее документы. Каждый раз казалось: вот сейчас сияющий ноготок уткнется в ошибку! Мало ли, число окажется не то или пропущена буква в фамилии. И тогда прощай нормальная жизнь! Прощай право на отдых и право на труд! И носись ты с этой бумажкой кругами по неведомым дорожкам, дной-ночуй в очередях, доказывай, что ты вот именно такая-то, а не какая-нибудь разэтакая, и проживаешь именно там-то, а не где попало, и нет на тебе задолженности ни за газ, ни за свет, ни за капитальный ремонт общедомового цоколя!

За всеми страхами чуть было не забыла сфотографировать счетчик, но на пороге спохватилась и вернулась.

В жилконторе было как всегда: в коридоре сумрачно и шумно, в кабинетах — светло и испуганно тихо.

Впрочем, не совсем. Время от времени раздавался голос специальный служебный голос — металлический и все время на одной ноте, как губной инструмент варган:

— Давайте! Квитанцию! Показания! Где? Ваша оплата, спрашиваю, где?

В ответ же слышалось невнятное лепетание, какой-то сухой шелест, будто у посетительницы осложение на связки после ангины:

— Да-да... Сейчас-сейчас... Вот, вот... и вот...

И вдруг все перекрывал темпераментный вскрик:

— Да ничего я не обязана! Этот туалет, между прочим, только для сотрудников!

Затем снова шелест, совсем уже неуловимый, и в ответ грозное:

— В последний раз даю ключ! И чтоб недолго там!

И поспешное старушечье шарканье по коридору.

Как обычно, стоять пришлось вдвое дольше, чем рассчитывала. Зато Лидины показания никаких подозрений не вызвали, заявление приняли без разговоров. Этих разговоров Лида особенно боялась: в волнении ее голос сам собой устремлялся вверх и норовил сорваться чуть не в плач, так что люди начинали смотреть удивленно.

А вот никогда так не смотрели, например, на маму. Уж такой голос был ей дан — четкий, звучный, с безупречной дикцией. И вся ее небольшая ладная фигурка излучала гармонию и уверенность. Про папу и говорить нечего: по неизвестной причине женщины всех возрастов и профессий с готовностью выдавали ему справки, подписывали бюллетени и оформляли путевки.

Задумавшись, Лида чуть было не прошагала по привычке в сторону дома, но опомнилась и свернула к овощному магазину.

Увидев ее в неурочное время, продавщица Зина недовольно приподняла свежеоткорректированные брови. Зина была всегда чем-нибудь недовольна: ростками на картошке, погодой, крупными купюрами покупателей.

— Ничего, что я пораньше? Внучку попросили забрать, боюсь не успеть, — оправдалась Лида. И опять голос прозвучал противно-плачуще.

Зина кивнула нехотя, словно отдавая сдачу с пяти тысяч.

Лида шмыгнула в инвентарную каморку, натянула синие брюки и кофту и, прихватив ведро и швабру, бегом вернулась в торговый зал. Работа спорилась: после каждого взмаха швабра оставляла после себя чистую влажную дорожку, и вскоре на полу засверкали отражения всех шести потолочных светильников. Но под самый конец, не успели труды досохнуть, потянулись с работы покупатели. Шаркали туда-сюда, топтались то возле ящиков с картошкой, то у лотков с лимонами, все щупали, мяли и, конечно, роняли. Лида подобрала две луковицы, потом лимон... Вдруг услышала:

— Да она же воду не меняет! Видите, разводы какие?

Высокая прямая старуха в расписном платке мерила ее взглядом. Лида давно взяла за правило — не спорить, не связываться. Отвернулась... и вдруг представила, как посмотрел бы сейчас папа. Даже ясно услышала недовольное: «Ну нашла работу!»

Кстати, Корни, когда узнала, тоже скривилась: «Уборщицей? Ты, человек с высшим образованием?!» — и покрутила головой. Хорошо хоть не слышала, как вечером муж орал: «Да твоя Тонька сама побирушка чокнутая!»

...Группа еще даже не собиралась на прогулку, когда Лида остановилась перед застекленной дверью. И сразу увидела Манюню: та стояла в простенке между окнами, сонная, с растрепанными косичками, блуждая взглядом по сторонам, а другая девочка что-то говорила ей, энергично взмахивая рукой. Лиде, как всегда, стало страшновато при мысли, что у внучки уже идет отдельная самостоятельная жизнь – с неизвестными подружками, разговорами и, возможно, опасностями. Но тут воспитательница заметила ее, кивнула и что-то крикнула Манюне, и та, словно проснувшись, с широко открытыми глазами повернулась к двери. Заметила Лиду, вся просияла и бросилась навстречу.

И наступило время счастья – в веселых хлопотах сборов, в озабоченных поисках второй кроссовки, в мимолетных объятиях перед выходом в большой мир. В это время были заданы важные вопросы: «Ты по мне скучала?», «Сильно-сильно?» и «А у котиков бывает насморк?» Далее рука в руке они отправились в небольшое путешествие, где случились встречи с различными зверями, растениями и рисунками на асфальте. По дороге было нарушено важнейшее правило: не кормить ребенка всякой гадостью! Но, во-первых, пирожок с рисом и яйцом Лида купила для себя и даже честно откусила кусочек, а во-вторых, Манюня попросила просто попробовать и не забыла вернуть краешек.

Позже, конечно, одолели мысли: что вот мама, наверняка, сумела бы объяснить ребенку про важность режима питания, а папа сочинил бы сказку о микробах, попадающих в детские животики... но дома Манюня как ни в чем не бывало проглотила положенный йогурт, так что никто ничего не заподозрил. И на зеленое платье березки нашито было пятнадцать желтых листочков из бумаги, и Лида была напоена чаем с оладушками.

Однако на этом счастливое время истекло.

На улице давно стемнело, накрапывал дождь. Лида натянула капюшон куртки, но все равно успела промокнуть, пока добежала до остановки. Маршрутка, правда, подъехала почти сразу, но битком набитая. Все ехали молча, терпя вынужденную близость. Изредка у кого-то тренькал телефон, и хозяин цедил приглушенно: «Да... еду... я в маршрутке, говорю!

Перезвоню!» И снова воцарялось напряженное молчание. Неужто когда-то Лиде нравились маршрутки?

И неужто когда-то она легко сбегала по ступенькам в подземный переход? И колени не хрустели, и ремешок сумки не давил на плечо? Правда, в те времена и «Титаник» назывался «Гастроном», а то и просто – «пятиэтажка».

Корнелия встретила ее хмурым сообщением:

– Всемирный день жлобов! Перед Семкой стыдно.

И кивнула на гитарный чехол, где сиротливо поблескивала горстка монет. Сама гитара стояла рядом, прислоненная к стене, и тоже выглядела усталой.

Лида протянула оладушки в кульке. Робко предложила:

– Так, может, домой тогда? Я провожу! Тем более дождь... поговорили бы...

– Да знаю я твои разговоры! – отмахнулась Корнелия, жуя. – Что родители были добрые-умные-красивые, все знали и умели. А ты ни в мать, ни в отца.

– И ничего подобного! – возмутилась Лида. – Я насчет судьбы рода! Ну, чтоб ее улучшить... Ты забыла, что ли?

– А-а, – Корнелия нахмурилась, – ну да. И что, работала на улучшение?

– Я пыталась, но нет. Не получилось, – призналась Лида.

– Подожди, – приказала Корнелия. Дожевала и вытерла рот и руки клетчатый платком. – Ты родителей вспоминала, нет?

– Ну а как же! Каждый день.

– Ага, вспоминала, – отметила она. – Подражать пыталась?

– Пыталась... Так ничего ж не вышло, говорю!

– Ну вот видишь! Еще и оценила себя здраво. А с дочкой общалась?

– Манюню из сада привела.

– Ну вот! Ужинали вместе? А совместная трапеза, чтоб ты знала, – это усиление родовых вибраций! Я, кстати, в оладушки сахар не кладу, а, наоборот, чеснок добавляю, – отвлеклась она на минуту. – Теперь вспоминай: мужа пилила сегодня?

– Здрасьте! Когда его пилить? – удивилась Лида. – Он же чуть свет на работу несетя!

– Правильно! Не молоденькие уже. В пятьдесят

семь по пустякам ругаться – это свою энергию не уважать.

– В пятьдесят пять.

– Все равно.

Лида вздохнула, вспомнив любимую угрозу мужа: «Еще побираться начни, как Тонька!»

– Так что не переживай, все нормально сделала, – тем временем заключила Корнелия, неожиданно подхватила гитару и, ловко перекинув ремень через плечо, зачастила: – На далекой Амазонке не бывать мне никогда! Никогда туда не ходят иностранные суда!

Лида оглянулась: в переход спускалась группа подростков. В куртках-пуховиках и джинсах – не поймешь, где мальчик, где девочка, они что-то вскрикивали, похохатывали, подталкивали друг друга. Но внезапно примолкли и несколько шагов прошли в молчании, косясь на тетку в бесформенном плаще, игриво выкрикивающую:

– Из Ливерпульской гавани, всегда по четвергам, они уходят в плаванье к далеким берегам!

Послышался короткий смешок, за ним – девчачье хихиканье и мальчишеский гогот. Лида повернулась к ним спиной, хотела было подать Корни знак глазами – прекращай, мол, нашла для кого стараться... но неожиданно для себя поддержала:

– Только «Дон» и «Магдалина», только «Дон» и «Магдалина», только «Дон» и «Магдалина» ходят по морю туда!

И когда голос ее соединился с шершавым контральто Корнелии, она почему-то сразу успокоилась. Будто вставила последний пазл в картину, и вместо раскрашенных картонных кусочков перед ней наконец-то раскинулся морской берег, и заплескались волны, и крохотный белый кораблик показался на горизонте. Корнелия одобрительно наклонила голову, повторяя перебор. Второй куплет начали в одно дыхание, сначала вполголоса, как бы по секрету, но постепенно расширяя звук. И дойдя до главного вопроса: «Увижу ли Бразилию до старости моей?» – словно бы окинули взглядом каждая свою жизнь и переглянулись, признавая, что немало хорошего выпало на их долю, а быть может – кто знает? – поджидало и в будущем.

И даже ничуть не удивились, услышав хлопки в ладоши, а победно переглянулись и уж потом по-

вернулись в сторону лестницы, к возвратившимся школьникам.

Но это оказались не школьники. Длинная девица в расстегнутом пальто, с сумкой наперевес сбежала по ступеням, умудряясь аплодировать на ходу, а за ней с трудом поспевал круглый мужичок в очках и с бородкой.

– Вот это удача! Отлично! Отлично! Вы разрешите? Блиц-интервью! Газета «Свежий взгляд», рубрика «Интересная встреча»! Отлично! Паша, ну! Меня зовут Татьяна, а это наш фотокор. Всего пару минут! Представьте, если можно! Лидия? Отлично! Как-как? Корнелия? Отлично! Отлично!

Тем временем Паша уже коlobком катался во круг, заходя то справа, то слева, шелкая сверху и снизу. Лида только успевала отворачиваться, прикрывая недостаток пятого зуба слева и стараясь незаметно пригладить волосы. А Корни хоть бы хны! В своем секондхендовском плаще, с серо-пегой копной на голове она вдруг на глазах похорошела! Как это у нее получалось, Лида понятия не имела. Чуть повернет голову, приподнимет брови, улыбнется уголками губ – и уже модель для художника, хоть пиши с нее портрет или вот, как Паша, наводи камеру. Да еще как молвит своим низким грудным:

– Таня... вы, наверно, в школе были отличницей?

И невозможно не улыбнуться в ответ, словно просидели весь девятый класс за одной партой, стрададая над задачками и придумывая шутки для КВНа.

Но смешливость у Корнелии тут же сменилась величавостью и даже некоторым высокомерием:

– Нет, только изредка, под настроение... Да, с детства. Музыкальная школа – фортепиано и гитара... Род занятий – переводчик. С английского, французского, иногда польского. В целом да, востребована.

Не знай Лида судьбу Корни как собственную, сейчас бы точно развесила уши, точь-в-точь как корреспондентка. А с другой стороны, – так уж и врет. Ну разве что гитару осваивали они не в музыкалке, а во дворе... и насчет французского перебор. Вот на английский чье-то резюме переводила, это точно. Хотя, может, и на польский, кто ее знает...

– Так что это, – качнула Корни гитарой, – больше из любви к искусству. И подруга уговорила. На-

шему дуэту, знаете, не один десяток лет. Еще с музыкальной школы!

И повернулась к Лиде, переключая внимание на нее. Татьяна пощелкала коробочкой диктофона, что-то настраивая. Лида смущенно кашлянула, затынула на куртке молнию повыше.

— Лида у нас еще в детском хоре солировала! — соловьем разливалась Корни. — Обратили внимание на тембр? Чистое серебро!

— Солировала один раз, — уточнила Лида. — Перед концертом девочка заболела.

Но слова Корнелии всегда почему-то доходили до собеседника быстрее. Паша сунул камеру в самое Лидино лицо. Татьяна, наконец-то совладав с коробкой, обрушила на нее кучу вопросов:

— Можно узнать, Лидия, каковы ваши музыкальные предпочтения? Любимые жанры? Бардовская песня, эстрада, джаз? А может быть, опера?

— Ну, я как-то... — замялась Лида. — В детстве пионерские песни нравились...

— А теперь в основном городской романс, — решительно закончила Корни и взяла ее под локоть: — Ну, что исполним? «Белую акацию»? Или «Ночь светла»?

— «Землянку!» — объявила Лида вредным голосом. — Или хочешь, пой сама.

Корни взглянула искоса, но тут же молвила покладисто:

— Ну «Землянку» так «Землянку»!

И взяла арпеджио ля минор.

Это был явно день для песен. Лида давно заметила: в непогоду они звучали по-другому. К тому же некоторые военные были сто раз перепеты: и в музыкалке, и в школе, и на природе у костра, и в гостях. Так что исполнили подряд «Землянку», и «Осенний сон», и «Усталая, счастливая, хмельная». Татьяна не выпускала диктофон. Но в один момент ахнула, шепотом ругнулась и опять принялась тыкать в кнопки.

— Девочки, я извиняюсь! Техника наша... Сейчас, вот... ага! Вроде нормально. А последнюю еще раз можете? На бис! Хочу дать послушать людям — может, и на радио пробьем!

Она подмигнула Лиде, та пожала плечами, оглянулась на Корнелию. Корнелия же выкинула вверх два растопыренных пальца и, решительно кивнув Лиде, взяла первый аккорд.

Два куплета вышли даже лучше, чем в первый раз, потому что обе распелись. Голоса, как давние приятели, то уступали соло друг другу, то вместе устремлялись к доминанте — и, помедлив в напряжении, плавно опускались в тонику:

*На сапогах истоптанных, потертых*

*Осели пылью все крутые тропы,*

*Медалями на потных гимнастерках*

*Звенела география Европы.*

В этом месте Паша опять сунулся шелкнуть крупным планом. А когда отошел, Лида не поверила глазам: на ступеньках стоял ее муж! Стоял замерев, как громом пораженный. Но Лида мигом отвела взгляд, потому что песня пелась себе и пелась, и уже ничего нельзя было с ней поделывать — только договорить о том, как война себя в могилу провожала и женщины седые хорошели.

Но все-таки он дождался последней ноты и только тогда подошел. Поздоровался. И пока корреспонденты собирались, пока Татьяна писала телефоны в свой блокнот, проявлял выдержку. Даже вежливо предложил проводить Корни домой, но она сказала — будет ждать Семку.

Лида была благодарна. Уж если ей суждено-таки испортить карму рода скандалом, так хоть не на людях.

Двинулись к ступенькам чинно, молча. И только на улице, перейдя дорогу, Лида не вытерпела:

— Ну давай! Ругайся. Облегчи душу.

Но он посмотрел искоса:

— Дура! Когда газета выйдет, хоть спросила?

— Ой! — хлопнула по лбу Лида. — Она ж говорила! Послезавтра, что ли? Или завтра? И звонить неудобно, скажет — бестолковщина...

— Отец твой не дожид, — заметил он. — Сейчас бы гордился. И мать.

— Думаешь? — удивилась она. И вдруг так обрадовалась, что даже усталость прошла. — Они ж сегодня приснились мне! Папа как будто на демонстрацию идет...

— Это он любил, — согласился муж. — Хотел, наверно, чтоб его вспомнили.

Тут они посмотрели друг на друга и подумали одно и то же.

Но промолчали. ■